

ЛИХОРАДОЧНЫЙ ПУЛЬС БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

А.А. КАЗАНЦЕВ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: КОМПЛЕКСНЫЙ КРИЗИС И СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО

*Казанцев Андрей Анатольевич, д. полит. н., директор Аналитического центра Института международных исследований МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: andrka@mail.ru*

Аннотация

В работе проводится системный анализ перспектив развития ситуации в постсоветской Центральной Азии. При этом рассматривается взаимосвязь тенденций в различных сферах: политической, экономической, военной, социальной и демографической. Автор констатирует наличие комплексного и многостороннего кризиса, а также связанной с ним высокой степени неопределенности в дальнейшем развитии ситуации, что проявляется, в частности, в большой вариативности сценариев развития. Анализ проводится как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективах. Исследование при этом строится двухступенчато: для каждой из временных перспектив выделяются как соответствующие существующие в настоящем движущие силы, так и возможные качественные разрывы ситуации, которые могут привести к принципиальным изменениям (в рамках сценарного анализа).

Ключевые слова: *Центральная Азия, сценарный анализ, сценарии развития, движущие силы, «Новая Большая игра», новые угрозы и вызовы безопасности.*

Центральная Азия находится в комплексном кризисе. Налицо рост угроз в сфере безопасности, кризисные явления в связи с конфликтом вокруг Украины и тяжелым состоянием российской экономики, рост китайского влияния как способ компенсации кризисных явлений.

В развитии кризиса можно идентифицировать следующие основные тенденции.

Тенденция первая – рост угроз безопасности. Стремительное наступление войск «Исламского государства» (ИГ) в Ираке, имеющее своим следствием возникновение мощной новой базы международных террористов, стало одним из важнейших *новых* внешних негативных факторов для Центральной Азии. ИГ реально представляет угрозу для постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа – в силу того, в частности, что в его рядах воюет большое количество выходцев из стран региона. Они могут вернуться домой, распространять свои воззрения, вербовать террористов или, что еще хуже, руководство ИГ может использовать их для совершения террористических актов в их родных странах. Либо террористы, которых

вербуют сейчас в постсоветских странах, могут быть использованы прямо на месте вербовки, вообще безо всякой переброски их в Сирию или Ирак.

Угроза со стороны ИГ накладывается на давнюю угрозу распространения экстремизма из соседнего Афганистана. Именно там концентрируется радикальная исламская оппозиция властям государств Центральной Азии. На границах Афганистана и центральноазиатских государств (прежде всего, на границах Таджикистана и Туркменистана) продолжают скапливаться боевики террористических группировок, связанных с «Аль-Каидой».

Рядом экспертов высказалось мнение, что возможна координация действий «Талибан» и ИГ. Эта точка зрения и верна и неверна одновременно. Она неверна в том плане, что у «Талибан» сейчас, в отличие от прежних времен (до ввода американских войск), нет единого командного центра. Теперь «Талибан» – совокупность добровольческих отрядов, группировок и их командиров, которые сетевым образом могут согласовывать свои действия. Но этим «Талибан» и опасен. Централизованная структура разрушена, а то, что осталось, победить нельзя, как, впрочем, и договориться с этой новой реальностью.

Представляется, что опасения вторжения «Талибан» в постсоветскую Центральную Азию преувеличены. Вторгнуться туда может не «Талибан», а отдельные отряды исламских экстремистов – выходцы из самой Центральной Азии (в частности, боевики «Исламского движения Узбекистана»). Но, как показали события предшествующих периодов, в частности «баткенская война» в Киргизии, даже такие вторжения представляют серьезную угрозу для стран Центральной Азии и требуют военной помощи России.

Всесторонний военно-политический и экономический кризис, охвативший постсоветское пространство в 2014 г., снижает возможности постсоветских государств в противостоянии терроризму и религиозному экстремизму. А конфликт России и Запада не дает возможности наиболее уязвимым государствам Центральной Азии получить полноценную помощь в противодействии терроризму [6]. В этой связи можно ожидать, что в 2015–2016 гг. активность террористов на юге постсоветского пространства усилится.

Перечисленные угрозы могут наложиться на ряд «внутренних» центральноазиатских проблем. Опасны не сами по себе угрозы «Талибан» и ИГ, а то, что даже слабые внешние толчки могут разрушить и без того «хрупкие» (fragile) центральноазиатские государства. И может сработать «модель домино»: одно падающее государство будет взрывать стабильность в другом.

Растет угроза дальнейшей интеграции криминальных структур, занятых транзитной наркоторговлей, с террористическими структурами. Россия – первый в мире потребитель афганского героина, который идет по маршруту: Афганистан – Киргизия – Казахстан – Россия – ЕС («северный маршрут»). Примеров финансирования террористической деятельности из средств, полученных на продаже героина, много и в Афганистане, и в постсоветской Центральной Азии.

Продолжается острый конфликт Узбекистана и Таджикистана по поводу раздела вод трансграничных рек, имеются и трения между Узбекистаном и Киргизией.

Налицо и угрозы внутривнутриполитической стабильности. Основной потенциал дестабилизации накоплен в Киргизии. После двух революций там имеет место периодически обостряющийся политический кризис, а государственные структуры очень слабы. К факторам потенциальной внутренней дестабилизации в Казахстане и Узбекистане можно отнести и проблемы с передачей верховной власти. Имеют место также серьезные долговременные социальные проблемы, подрывающие стабильность во всех государствах Центральной Азии, хотя в существенно различной степени. Это – бедность, коррупция, межрегиональные и межклановые конфликты. Казахстан в этом плане смотрится намного лучше своих соседей по региону, но проблемы соседей могут «перехлестнуть» и через его границы.

Тенденция вторая – кризис в связи с конфликтом вокруг Украины и тяжелым состоянием российской экономики. Резко негативное влияние на Центральную Азию оказывает общий политический и экономический кризис на постсоветском пространстве. Революция на Украине спровоцировала обострение отношений между Россией и Западом на пространстве бывшего СССР, а также острый российско-украинский конфликт, балансирующий на грани локальной войны. В этой связи начался кризис «многовекторной внешней политики», которую

проводили постсоветские государства. Если взять Казахстан, то суть многовекторной политики Астаны можно свести к тезису: «Казахстан одинаково дружелюбен всем странам мира, и особенно соседям». Но как теперь дружить с теми игроками, которые находятся между собой в открытом конфликте, например, с Россией, с одной стороны, США, государствами ЕС и Украиной – с другой? Это – вызов для казахстанской внешней политики. Президент Н. Назарбаев с его огромным опытом и влиянием, опираясь на нефтегазовые ресурсы Казахстана, еще находит эффективные рецепты в данной ситуации, но для более слабых стран (скажем, Киргизии и Таджикистана) это – огромный вызов.

Еще хуже то, что политические конфликты совпали с началом мощного экономического кризиса в России, который неизбежно затронет и страны Центральной Азии. Особенно это касается Киргизии и Таджикистана, а также Узбекистана. Все три страны зависимы от трудовой миграции в Россию, а также от российской внешней помощи (особенно Киргизия и Таджикистан) и от торгово-экономических связей с Россией (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан).

Несмотря на кризисные явления, продолжается углубление и расширение сотрудничества по линии евразийской интеграции. Этот процесс сложный и многоаспектный. С одной стороны, поступательное развитие очевидно. С другой – наметились и кризисные явления, идут активные политические и экономические дискуссии между участниками процесса интеграции. Конфликт на Украине показал, что Казахстан не откажется от своей многовекторной внешней политики, Россия же хотела бы большей политической поддержки. Этот конфликт обнажил основное противоречие в подходах Москвы и Астаны к евразийской интеграции. Астана предпочитает экономическое содержание евразийской интеграции и отдает приоритет углублению сотрудничества в рамках существующего состава членов ЕАЭС. Кроме того, Казахстан – сторонник гармонизации процессов региональной интеграции на евразийском пространстве с процессами глобализации, а также – более гармоничного взаимодействия евразийских и евроатлантических структур (особенно ЕС). В принципе всё это не противоречит ни ключевым внешнеполитическим документам России, ни основным положениям программных заявлений В.В. Путина. Однако в качестве ответа на краткосрочные вызовы безопасности, в частности на украинский кризис, Москва в последнее время стала делать акцент на геополитические аспекты интеграции, активное расширение ЕАЭС и противостояние влиянию Запада на постсоветском пространстве. Здесь, справедливости ради, следует отметить, что трения в российско-казахстанских отношениях, по сравнению, скажем, с российско-белорусскими, незначительны.

Тенденция третья – рост влияния Китая. В Центральной Азии продолжает расти влияние КНР, что тесно связано с кризисом в сферах безопасности и экономики, так как многие постсоветские страны начинают обращаться к Китаю за помощью в тяжелой ситуации. Имеет место угроза столкновения российских интересов в Центральной Азии с китайскими – «Пояс Шелкового пути» некоторые комментаторы позиционируют как альтернативу евразийской интеграции. Очевидно, что в условиях кризиса в отношениях с Западом у России не будет свободных ресурсов для противостояния Китаю, так что Москве надо искать способы эффективно договориться с Пекином.

Перечисленные тенденции дают основание для прогнозирования обозримой перспективы, в которой:

- Во-первых, продолжатся конфликты между Россией и Западом – прежде всего, потому что разрешение конфликта вокруг Украины, очевидно, состоится за пределами 2015 г., так как противостояние уже перешло в «позиционную фазу». При этом на всех соседях России, в том числе центральноазиатских, будет все тяжелее сказываться российский экономический кризис.
- Во-вторых, этот экономический кризис и тяжелая геополитическая ситуация на постсоветском пространстве негативно скажутся и на евразийской интеграции. Более всего это коснется тех партнеров России, которые вошли в этот процесс, рассчитывая в основном на российскую экономическую помощь, то есть на Белоруссии и Киргизии. Налицо риск всевозможных конфликтов и скандальных ситуаций, если эта экономическая помощь окажется меньшей по сравнению с ожидаемой. Армении в большей мере нужна российская военная помощь,

гарантии безопасности. Поэтому здесь ситуация будет «тише». С Казахстаном же ситуация может оказаться наиболее благоприятной – с учетом как мудрой позиции президента Н. Назарбаева, так и того, что Казахстан не является крупным получателем российской помощи.

- В-третьих, продолжит расти влияние КНР – при том, что экономика будет все больше накладываться на геополитику. Ключевой вопрос здесь – что Россия и Запад, занятые борьбой друг с другом, смогут противопоставить росту политического влияния Пекина?
- В-четвертых, продолжится рост рисков, связанных с ИГ, нестабильностью в Афганистане, исламским терроризмом в целом. Россия в рамках ОДКБ выступает гарантом безопасности Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Она будет вынуждена помогать партнерам при росте угроз.

Эти перспективы достаточно тревожны. И в таком контексте российско-казахстанские отношения как ключевой движущий элемент евразийской интеграции могут и должны продолжать поступательно развиваться. И Москве, и Астане это выгодно. К тому же президент Н. Назарбаев умеет позиционировать это сотрудничество как не направленное ни против Запада, ни против Китая. США не нужно повторение терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне, а КНР – расширение проблем с религиозными экстремистами в Синьцзяне. Для этого нужна, в том числе, стабильность в Центральной Азии. Если из-за всестороннего кризиса на постсоветском пространстве вдруг выпадет «ось» Россия – Казахстан, ключевая для обеспечения стабильности и безопасности Центральной Азии и всей Центральной Евразии, то заместить ее будет абсолютно нечем.

КРАТКО- И СРЕДНЕСРОЧНЫЕ СЦЕНАРИИ КОНФЛИКТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Вывод войск Международных сил содействия безопасности из Афганистана (пусть даже и с сохранением ряда военных баз США, предусмотренных подписанным в 2014 г. соглашением о безопасности с Афганистаном) вызывает повышенную озабоченность сопредельных с Афганистаном государств Центральной Азии, входящих в ОДКБ. Таджикистан непосредственно граничит с Афганистаном, на Киргизии и Узбекистане соответствующие проблемы сказываются опосредованно. Одновременно с усилением угроз на афганском направлении внутри самих постсоветских государств Центральной Азии наблюдаются определенные тенденции к усилению внутренних угроз. Обстановка вокруг региона, связанная с соперничеством лидирующих мировых держав, также представляется не слишком благоприятной. Это стало особенно очевидным с возникновением конфликта вокруг Украины.

Ниже предложены кратко- и среднесрочные сценарии и перспективы эволюции ситуации с коллективной безопасностью в центральноазиатском регионе ответственности ОДКБ на ближайшие 3-5 лет. В методологическом плане следует подчеркнуть, что сценарный анализ не является предсказанием будущего. Сценарии представляют собой экстраполяции возможных линий развития имеющихся тенденций. Чем эти тенденции более противоречивы, тем больше могут расходиться между собой сценарии. При оценке вероятности сценариев первоначально учитывалось мнение большой группы центральноазиатских экспертов, с которыми автор контактировал лично и по электронной почте в ходе своей стажировки в Маршалловском центре (Германия). Эта оценка была дополнена результатами экспертного опроса, проведенного 4 июня 2013 г. в рамках сотрудничества Института международных исследований МГИМО и Аналитической ассоциации ОДКБ, а затем уточнена в ходе целого ряда семинаров, проведенных Аналитическим центром ИМИ МГИМО.

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЦЕНАРИЕВ

В качестве базовых предлагаются 4 сценария, которые будут – в общих чертах – перечислены ниже. Перечисление идет по степени оптимальности сценариев, от «хороших»

к «плохим». При этом, к сожалению, степень вероятности «плохих» сценариев в текущей ситуации оказывается существенно выше, чем «хороших».

Сценарий 1. «Успешное международное сотрудничество». Великие державы (прежде всего, Россия, КНР и Индия) успешно взаимодействуют в борьбе с новыми угрозами безопасности, а США и союзные им государства НАТО, несмотря на конфликт вокруг Украины, поддерживают с ними диалог, перебазировав, в соответствии с «доктриной Обамы» (“rebalancing”), свои основные ресурсы и интересы в азиатско-тихоокеанскую зону. Соответственно, интерес США к региону Центральной Азии уменьшается, что приводит к угасанию предшествовавшего этапа «новой Большой игры», который характеризовался российско-американским геополитическим соперничеством. Не возникает и нового этапа, в котором ключевой «осью» развития становится китайско-американское геополитическое соперничество. Данный сценарий предполагает более эффективную работу госструктур в Центральной Азии. В результате удастся держать под контролем коррупцию, а роль так называемых «новых негосударственных игроков» (коррупционных, криминальных и террористических сетей) уменьшается. Ключевыми акторами в рамках данного сценария являются государства, как региональные, так и внерегиональные. Сценарий предусматривает также ускорение модернизации на постсоветском пространстве и эффективное протекание интеграционных процессов в рамках многовекторных политик центральноазиатских государств. Для России наибольшую ценность представляет, естественно, сочетание двустороннего сотрудничества, военно-политического сотрудничества в рамках ОДКБ, процессов евразийской экономической интеграции и координация усилий государств региона в рамках ШОС. Это – оптимальный, но имеющий очень низкую вероятность сценарий, особенно с учетом обострения российско-американских отношений.

В случае если данный сценарий будет реализован, очевиден следующий набор приоритетов для ОДКБ и руководства РФ: развивать международное сотрудничество по линии ШОС, теснее координировать работу с евразийскими структурами, наладить селективное партнерство по ряду острых проблем (наркотрафик, терроризм) с западными коллегами, как на двусторонней (Россия – США, Россия – государства ЕС), так и на многосторонней (в рамках отдельных программ ЕС, ОБСЕ и НАТО) основе. В этом случае ОДКБ должно стать инструментом многостороннего международного сотрудничества.

Сценарий 2. «Постепенный упадок». Международное соперничество в рамках «новой Большой игры» нейтрализует попытки организовать эффективную помощь государствам Центральной Азии. Причем на старые геополитические противоречия по линии США – Россия накладываются новые по линии США – Китай, что уже сказывается в рамках «доктрины Обамы», в частности в политике «ребалансирования» военно-политического присутствия США в разных регионах мира. Активность негосударственных игроков, включая террористические, криминальные и коррупционные сети, в сферах разного рода новых угроз безопасности (распространения религиозного экстремизма, транспортировки наркотиков, неконтролируемой миграции) постепенно усиливается. Эти «новые игроки» в плане определения региональной динамики становятся зачастую куда более значимыми, чем формальные государственные акторы. Однако ситуация все же не выходит полностью из-под контроля – ни по причине международного соперничества, ни по причине образования «несостоявшихся государств». Этот сценарий хуже, чем первый, но лучше, чем последующие. Он обладает высокой вероятностью.

В случае реализации данного сценария приоритетное внимание руководству ОДКБ и РФ следует сосредоточить на укреплении государственных структур в Центральной Азии, поддерживая их в охране границ, борьбе с наркотиками и исламским экстремизмом. В этом случае ОДКБ должно стать основным инструментом проведения и координации российской помощи центральноазиатским государствам.

Согласно **Сценарию 3 – «Интенсификация “новой Большой игры”** – соперничество между Россией и Западом, в частности вокруг Украины, выходит из-под контроля и провоцирует дополнительную дестабилизацию в Центральной Азии. В результате этого террористическая и экстремистская деятельность, наркотрафик и другие новые угрозы безопасности растут. Тем не менее основными акторами остаются государства, которые, в том числе, в своих геополитических интересах могут поощрять отдельные коррупционные, криминальные

и экстремистские группы. Этот сценарий менее приемлемый, чем два предыдущих, но имеющий наиболее высокую вероятность.

В случае его реализации необходимо определиться с приоритетами политики РФ в Центральной Азии, усилить межведомственную координацию, так как в этом случае ключевой станет проблема отстаивания Россией своих интересов в напряженной борьбе с другими державами, причем не только, как это было прежде, с США и их союзниками, но и с Китаем. ОДКБ станет в этом случае основным инструментом проведения военно-политического влияния России в регионе и главным «фокусом» координации межведомственной политики в России в сфере безопасности в Центральной Азии.

Сценарий 4 «Центральноазиатский взрыв» – катастрофический. Он предусматривает образование серии не контролируемых свою территорию «несостоявшихся государств», простирающихся от северо-запада Пакистана, через Афганистан в постсоветскую Центральную Азию. В этом случае будет нарастать тенденция к росту числа наркогосударств, террористические и экстремистские группы установят прямой территориальный контроль над существенными территориями, а также резко возрастут миграционные потоки, в том числе из Афганистана в Центральную Азию и из Центральной Азии в Россию. Роль государств в определении региональной динамики резко уменьшится, а роль негосударственных новых игроков станет определяющей.

Вывод войск МССБ из Афганистана в сочетании с кризисом раздираемой внутренними противоречиями афганской администрации и всех официальных госинститутов, включая армию, а также атаки со стороны «Исламского государства» в Сирии и Ираке могут спровоцировать региональный «эффект домино». Историческим образцом здесь может служить то, что имело место после вывода войск США из Вьетнама, сопровождавшегося также официальной «передачей ответственности за ситуацию» южновьетнамским властям. Тогда в результате произошла смена режимов не только в Южном Вьетнаме, но и в соседних с Вьетнамом государствах, причем процесс был настолько хаотический, что в Камбодже пришел к власти Пол Пот, режим которого был откровенно враждебен к просоветскому правительству Вьетнама и который осуществил геноцид не только вьетнамцев, но и коренного населения страны.

На случай реализации этого сценария от ОДКБ потребуются комплекс антикризисных мер по борьбе с трансграничными угрозами, могущими возникнуть из-за кризиса или распада государственных структур в одном или двух центральноазиатских государствах. Предполагается средняя вероятность этого сценария.

Характеристики сценариев представлены в приведенной ниже *Таблице 1*.

Таблица 1

**Кратко- и среднесрочные сценарии развития политической ситуации
в Центральной Азии**

Название / характеристики сценария	«Успешное международное взаимодействие»	«Постепенный упадок»	«Новая Большая игра»	Центрально-азиатский взрыв
Основные игроки	Государственные	Негосударственные (террористические, сети, криминальные группы).	Государственные	Негосударственные (террористические сети, криминальные группы).

Движущие силы сценариев	<p>Ключевые великие державы успешно взаимодействуют в борьбе с новыми угрозами.</p> <p>Более эффективная работа госструктур в Центральной Азии.</p> <p>Ускорение модернизации и интеграционных процессов на постсоветском пространстве.</p>	<p>Международное соперничество нейтрализует попытки организовать эффективную помощь государствам Центральной Азии. Активность негосударственных игроков в сфере транспортировки наркотиков постепенно усиливается. Ситуация не выходит полностью из-под контроля ни по причине международного соперничества, ни по причине образования «несостоявшихся государств».</p>	<p>Международное соперничество выходит из-под контроля и провоцирует дополнительную дестабилизацию в Центральной Азии. Наркотрафик и другие новые угрозы безопасности растут.</p>	<p>Образование несостоявшихся государств, тенденция к росту числа наркогосударств после вывода войск МССБ из Афганистана, который может спровоцировать «эффект домино» в зоне ответственности ОДКБ.</p> <p>Резкий рост наркоторговли и других новых угроз, спецслужбы не имеют возможности эффективно этому противостоять из-за потери контроля над территорией рядом государств ЦА.</p>
Оценка сценария	Позитивный	Средний, с негативной тенденцией	Негативный	Катастрофический
Рекомендуемые варианты реагирования (приоритеты).	<p>Развивать международное сотрудничество с ШОС, теснее координировать работу с евразийскими структурами. Селективное партнерство по ряду вопросов (наркотики, терроризм) с западными структурами.</p>	<p>Приоритетное внимание уделить укреплению государственных структур в Центральной Азии, поддерживая их в охране границ, борьбе с наркотиками, исламским экстремизмом.</p>	<p>Усилить межведомственную координацию, так как в этом случае ключевой станет проблема отстаивания Россией своих интересов в борьбе с другими великими державами.</p>	<p>Реализовать комплекс антикризисных мер по борьбе с трансграничными угрозами на случай кризиса или распада государственных структур в одном или двух центральноазиатских государствах.</p>
Ключевая функция ОДКБ в случае реализации сценария.	<p>Ключевой компонент многостороннего международного сотрудничества в сфере региональной безопасности.</p>	<p>Основной инструмент проведения и координации российской помощи центральноазиатским государствам.</p>	<p>Основной инструмент проведения военно-политического влияния России в регионе и главный «фокус» координации</p>	<p>Инструмент кризисного реагирования.</p>
Террористическая и экстремистская активность.	Остается под относительным контролем.	Медленный рост	Быстрый рост	Катастрофический рост
Транспортировка наркотиков (Афганистан – ЦА – РФ – ЕС).	Уменьшение	Медленный рост	Быстрый рост	Катастрофический рост

Ситуация с миграцией в Россию из ЦА .	Относительная стабилизация благодаря более эффективной интеграции мигрантов.	Усиление проблем	Усиление проблем	Крупномасштабная дестабилизация за счет конфликтов между россиянами и мигрантами.
Первоначальная оценка вероятности.	Наименьшая	Средняя	Наибольшая	Средняя, но меньшая, чем <i>Сценарий 2</i> .

КРАТКОСРОЧНЫЕ И СРЕДНЕСРОЧНЫЕ СЦЕНАРИИ КАК СПОСОБЫ ПОНИМАНИЯ СУЩЕСТВУЮЩИХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Эти сценарии представляют собой способы группировки и понимания тенденций, которые стоят за соответствующими сценариями.

Тенденции в пользу сценария «Успешное международное сотрудничество». Нынешний кризис в российско-американских отношениях и рост китайско-американского соперничества на Тихом океане не отменяют полностью возможность реализации сценария. В пользу этого можно привести следующие аргументы.

1. Никто, особенно азиатские, евроазиатские и европейские государства, не заинтересован в дестабилизации Центральной Азии, потери управляемости конфликтами. В противоположность мнению ряда российских экспертов, «стратегия Обамы» также предусматривает максимальное «сглаживание» существующих в регионе проблем и налаживание многостороннего сотрудничества со всеми заинтересованными сторонами.

2. Правительство Б. Обамы до украинского конфликта вообще мало интересовалось постсоветским пространством и, в отличие от ряда радикальных республиканцев, с целью экономии бюджетных ресурсов и успешного выхода из Афганистана, хотело бы компромисса и сотрудничества с Россией по афганско-центральноазиатскому комплексу проблем.

3. Основные театры китайско-американского соперничества, включая борьбу за ресурсы, удалены от Центральной Азии (регион Тихого океана, Африка).

4. Существует достаточно много разнообразных международно-институциональных форм координации политики как центральноазиатских государств, так и вовлеченных в регион великих держав. Проблема лишь в том, что никто не хочет соблюдать соответствующие правила, существующие в рамках этих институтов и организаций, а также координировать между собой их работу. Поэтому в регионе пока доминирует Realpolitik.

Тенденции в пользу сценария «Постепенный упадок». Данный сценарий возможен, благодаря хорошо известному соперничеству великих держав в Центральной Азии, «новой Большой игре». Эксперты с разных сторон упорно продолжают обвинять различные государства, включенные в эту «игру», в поддержке определенных террористических, коррупционных и криминальных групп в своих интересах.

Другой важной тенденцией является очень высокий уровень коррупции в постсоветской Центральной Азии и в Афганистане. Одним из традиционно используемых в мире инструментов анализа коррупции является Индекс восприятия коррупции «Трансперенси интернешнл». В *Таблице 2* приведены данные из этого индекса за 2006–2012 гг. для постсоветских государств Центральной Азии (в 2012 г. методика немного изменилась, из дробночисловой шкала стала цельночисловой).

Таблица 2

Коррупция в Центральной Азии

	2006 Место в мире; балл	2007 Место в мире; балл	2008 Место в мире; балл	2009 Место в мире; балл	2010 Место в мире; балл	2011 Место в мире; балл	2012 Место в мире; балл
Казахстан	111 2,6	150 2,1	145 2,2	120 2,7	105 2,9	120 2,7	133 28
Киргизия	142 2,2	150 2,1	166 1,8	162 1,9	164 2,0	164 2,1	154 24
Узбекистан	142 2,2	175; 1,7 166; 1,8	174 1,7	172 1,6	177 1,6	170 17	
Таджикистан	151 2,1	150 2,1	151 2,0	158 2,0	154 2,1	152 2,3	157 22
Туркмения	142 2,2	162 2,0	166 1,8	168 1,7	172 1,6	177 1,6	170 17

Рейтинг в целом показывает очень высокий уровень коррупции в Центральной Азии, что парализует государственные структуры, в том числе в противостоянии новым вызовам и угрозам безопасности. Отметим, что в последние годы ситуация с коррупцией продолжала ухудшаться. Правда, следует отметить, что государства, входящие в ОДКБ, имеют более низкие показатели коррупции, чем государства региона (Узбекистан и Туркменистан), в настоящее время в ОДКБ не входящие (Туркменистан) или приостановившие членство (Узбекистан). Если же взять такого влиятельного члена ОДКБ, как Казахстан, то он является достаточно «чистым» от коррупции государством по сравнению не только со своими среднеазиатскими соседями, но и с государствами СНГ из других регионов.

Тенденции в пользу сценария «Интенсификация новой Большой игры». Налицо усиление российско-американского противостояния, в частности, в связи с украинской проблемой. Это оказывает негативное влияние, в том числе, и на регион. США и до украинского кризиса негативно относились к идее евразийской интеграции, что создает идеологическую основу для столкновения с российскими интересами в Центральной Азии. В частности, постсоветского пространства (и в интерпретации ряда российских экспертов, особенно, Центральной Азии, хотя некоторые американские эксперты говорят о том, что оно относилось преимущественно к Украине) касалось заявление бывшего государственного секретаря Х. Клинтон в декабре 2012 г., в котором политика евразийской интеграции, объявленная тогда основным региональным внешнеполитическим приоритетом России, оценивалась чрезвычайно негативно.

В мире наблюдается тенденция к новой биполяризации и рост соперничества США и КНР, что может добавить дополнительное измерение «новой Большой игре». Кроме того, растет индо-пакистанское стратегическое соперничество, в том числе в Центральной Азии, в которое (на сторону Пакистана) вовлечен Китай, что при определенных обстоятельствах может оказаться проблемой российской внешней политики.

Тенденции в пользу сценария «Центральноазиатский взрыв». Хотя эти тенденции достаточно многочисленны, это, по мнению автора, не способствует повышению вероятности сценария. Перечислим их кратко по страновому и региональному принципу.

- В Афганистане. Слабость центрального правительства и армии, высокая неопределенность с военно-политической ситуации после вывода войск МССБ. Концентрация сил «Талибан» и центральноазиатских экстремистов на севере Афганистана, в частности на границах Таджикистана и Туркменистана.
- В Таджикистане. Экономически страна до сих пор чрезвычайно ослаблена последствиями гражданской войны. Имеют место энергетический кризис и демографический взрыв. Трудовая эмиграция в Россию является одним из основных источников внешних доходов (до 50 % ВВП по ряду оценок). Страна бедна углеводородными ресурсами. Существует серьезный водно-энергетический конфликт с Узбекистаном, накладывающийся на проблемы определения границ

и элементы транспортной блокады. Он не позволяет эффективно использовать основной природный ресурс страны – воду. Имеет место и связь между таджикской исламской оппозицией и таджиками в Афганистане, что может в случае нового распада Афганистана по этническим линиям привести к усложнению ситуации. Нестабильность в стране и слабость территориально контроля над рядом регионов продемонстрировали боевые действия в Горном Бадахшане летом 2012 г.

- В Киргизии. Силловые структуры страны ослаблены двумя революциями (2005 и 2010 гг.), а также постоянными политическими кризисами и коррупцией. Согласно индексу несостоявшихся государств (составитель – Fund for Peace, Washington, USA), Киргизия с 91,8 баллами является одним из самых «хрупких» постсоветских государств. Самую высокую «хрупкость» ее государственности отражает и индекс «Политического атласа современности» МГИМО, основанный на объективных параметрах, а не экспертных мнениях. Страна геополитически расколота – центральное правительство слабо контролирует Юг, особенно г. Ош. Правящая коалиция достаточно неустойчива, у президента А. Атамбаева мало ресурсов. Важную роль в экономике играют трудовая эмиграция в Россию и Казахстан, контрабанда китайских товаров на постсоветском пространстве и наркопотоки.
- В Ферганской долине. Узбекистан, Таджикистан и Киргизия делят между собой перенаселенную и подверженную влиянию исламских экстремистов Ферганскую долину. Именно здесь наиболее остры водно-энергетические противоречия. Проблемы в одном государстве легко могут отразиться в двух других. Нестабильность в Афганистане может особенно повлиять на этот «стык государств», так как на него всегда была нацелена деятельность Исламского движения Узбекистана, Исламского движения Туркестана и других базирующихся в Афганистане экстремистских групп. Кроме указанных выше проблем Киргизии и Таджикистана, на регионе могут отразиться проблемы в Узбекистане, в частности, противоречия между региональными кланами, связанные с неопределенностью в плане передачи власти преемнику со стороны президента Ислама Каримова.
- В Казахстане. Следует помнить, что в Казахстане, считавшимся «островком стабильности», имел место неожиданный рост экстремизма (включая террористическую деятельность и деятельность подпольных групп, в частности, в 2014 г.) и социальных конфликтов (волнения рабочих в Жанаозене, 2011 г.). Казахстан, как и Россия, подвержен влиянию трансграничных проблем, приходящих с юга (экстремизм, наркоторговля и неконтролируемая миграция). За весь период независимости Казахстан пока не прошел через процесс передачи верховной власти. В этой связи чрезвычайно высокую роль в сохранении стабильности внутри и вокруг страны играет фактор личности президента Н.А. Назарбаева.
- В России. Наряду с традиционным «набором» проблем на Северном Кавказе и в Поволжье всё более острой становится проблема роста числа экстремистских групп, связанных с «Аль-Каидой», в этнически русских регионах, а также в Москве и Подмосковье, этническая однородность которых сокращается. Важную роль среди этих групп играют организации центральноазиатского происхождения, в которые вступают и россияне, не связанные по своему происхождению с Центральной Азией. Усиливается и проблема использования территории России, в частности Москвы, для вербовки наемников и террористов, особенно из числа центральноазиатских трудовых мигрантов, в том числе, для боевых действий в Афганистане, Пакистане, Сирии, Ираке. Россия стала второй после США страной в мире по числу иностранных мигрантов, существенная часть их происходит из проблемных государств Центральной Азии. Дополнительный миграционный потенциал региона по отношению к РФ в ближайшие пару десятилетий оценивается примерно в 10 млн человек. По оценкам некоторых экспертов из компетентных органов, фигурирующим в прессе, до 5 % таких иммигрантов могут быть связаны с радикальным исламом. Кроме того, по оценкам ФСКН и Управления по наркотикам и преступности ООН, РФ лидирует в мире по потреблению афганского героина, поступающего через Центральную Азию. Как показывает анализ дискуссий

в российских социальных сетях, многие исламские экстремисты воспринимают наркотики как своеобразное «оружие против русских» – таким образом, имеет место распространение идеологии, впервые возникшей в Афганистане и позволяющей использовать наркотики (вообще-то запрещенные исламом) против «неверных».

СРЕДНЕСРОЧНЫЕ И ДОЛГОСРОЧНЫЕ СЦЕНАРИИ КОНФЛИКТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Перейдем теперь к анализу более долгосрочных тенденций, которые будут определять развитие ситуации в регионе, и к формулированию на их основе соответствующих более долгосрочных сценариев.

Постсоветская Центральная Азия – один из ключевых регионов с точки зрения национальных интересов России в сфере безопасности и в экономике. Очевидно, что прогноз развития региональной ситуации на долгосрочную перспективу имеет достаточно большую практическую значимость. Вместе с тем в работах, посвященных сценарному анализу, как в глобальном [10; 13–14; 16], так и в региональном [1; 3; 6; 7] разрезе, долгосрочным тенденциям развития ситуации в Центральной Азии уделяется недостаточно внимания. Для формулировки сценариев регионального развития необходимо, прежде всего, попытаться проанализировать среднесрочные и долгосрочные тенденции до 2050 г.

Демографический взрыв и рост экстремизма в регионе. В настоящее время для всех стран Центральной Азии характерен быстрый прирост населения (см. *Таблица 3*). Государства региона отличаются также относительно большим количеством рождений, существенным превышением числа рождений над числом смертей и низким медианным возрастом. Как показывает исторический опыт, такая ситуация за счет перенаселенности и более низкой цены человеческой жизни, чем в обществах, прошедших через демографический переход (что характерно для модернизированных позднеиндустриальных и постиндустриальных обществ), провоцирует высокую конфликтность. Особенно чревата такая ситуация, как показывает опыт перенаселенной Ферганской долины в Узбекистане, распространением исламского экстремизма.

Таблица 3

Демографические характеристики государств Центральной Азии*

Страна	Медианный возраст	Число рождений на 1000 человек (2012 г., оценка)	Число смертей на 1000 человек (2012 г., оценка)	Число смертей на 1000 человек (2012 г., оценка)
Казахстан	29,3	20,44	8,52	1,23
Узбекистан	26,2	5,29	0,94	17,33
Киргизия	25,2	23,9	6,9	0,89
Таджикистан	22,9	25,93	6,49	1,82
Туркменистан	25,8	19,55	6,21	1,14

* Таблица составлена по данным сайта ЦРУ США.

Частичным исключением является Казахстан, для которого характерен самый высокий медианный возраст – более 29 лет. В этом плане можно обратить внимание и на миролюбивую, избегающую конфликтов политику этого государства. К исключениям можно отнести и Узбекистан, где самая низкая рождаемость в регионе и, соответственно, относительно низкий естественный прирост населения (более низкий прирост населения в Киргизии частично объясняется более высокой эмиграцией). Однако в Казахстане имеет место серьезный региональный дисбаланс: демографический взрыв наблюдается в отдельных регионах на юге, где проживает наиболее исламизированное и наименее русифицированное население. Именно с южными, перенаселенными регионами обычно ассоциируется рост экстремизма в стране.

Указанные тенденции характерны и для Таджикистана, который отличается самым низким медианным возрастом, самым большим числом рождений и самым высоким приростом населения. По мнению многих экспертов, именно эти демографические характеристики способствовали (в числе многих других факторов) гражданской войне в этой стране после распада СССР.

Учитывая перечисленные тенденции, особенно низкий медианный возраст, можно прогнозировать, что рост населения в регионе продолжится еще как минимум 20–40 лет, то есть он, видимо, сохранится до 2050 г., хотя и будет постепенно замедляться. Даже после прекращения демографического взрыва регион (особенно Таджикистан и Ферганская долина) будет по-прежнему перенаселен, ресурсы, прежде всего водные, останутся в дефиците, а уровень жизни по мировым стандартам не будет высоким.

Объективный фактор роста аграрного перенаселения и маргинализации сочетается с процессом «исламского возрождения» после десятилетий государственного атеизма. Последний привел к уничтожению именно высококультурных форм традиционного ислама, в частности суфийского, тогда как непросвещенные и экстремистские его формы легче выживали «в подполье». Их развитию в позднесоветский период способствовало влияние конфликта в соседнем Афганистане и «исламской революции» в Иране, а в постсоветский период – деятельность исламских фондов нефтедобывающих арабских стран и глобальных экстремистских сетей.

Все это говорит о высоком потенциале конфликтности, не обязательно принимающем форму войн между государствами, но скорее проявляющемся в распространении экстремизмов или внутренних конфликтов по образцу гражданской войны в Таджикистане. Можно спрогнозировать от 2 до 6 случаев возникновения локальных вооруженных конфликтов на почве исламского экстремизма (по образцу вторжения войск Исламского движения Узбекистана в Киргизию, так называемой «Баткенской войны», в которую была втянута Россия и другие члены Договора о коллективной безопасности). Россия в той или иной форме (прямое вооруженное вмешательство или оказание военной помощи той или иной стороне) неизбежно будет вовлечена в любой будущий конфликт на данной территории.

Миграция и миграционные угрозы безопасности России. Сохранение высокого прироста населения и перенаселенности при относительно низком уровне жизни (см. Таблица 4) будет означать, что в обозримой перспективе продолжится тенденция к активной эмиграции по всем направлениям (трудовой или учебной с перспективой остаться в стране обучения). Эта напрямую затрагивает интересы России и связано с конфликтами, так как эмиграция провоцирует распространение угроз безопасности (религиозного экстремизма или наркоторговли). Кроме того, она будет провоцировать рост межнациональных столкновений в России.

В Таблице 4 государства Центральной Азии сравниваются с Россией как основным реципиентом миграционных потоков из региона. Приведенные данные показывают четкое деление постсоветских стран на две группы: Киргизия, Таджикистан и Узбекистан характеризуются низким ВВП на душу населения, высокой безработицей и значительным числом бедных. Если учесть еще и то, что там много молодых мужчин, понятным становится высокий отток трудовых мигрантов, готовых на любую, самую тяжелую работу. Россия и Казахстан, напротив, принимают этих мигрантов. Причем, если их поток в Россию велик по абсолютным цифрам, то приток мигрантов в Казахстан выше по относительному показателю (на 1 000 человек населения).

Особый случай представляет собой Туркменистан. Благодаря богатым запасам углеводородов он имеет относительно высокий в региональном масштабе ВВП на душу населения. Однако большая структурная безработица и бедность влияют на интенсивность миграционного оттока. Возможно, это связано со специфической структурой управления, созданной при Туркменбаши, с которой пока не удалось справиться в ходе реформ новому руководителю республики Гурбангулы Бердымухамедову. (Напомним, что в период правления Туркменбаши при огромных затратах государства на престижные проекты были закрыты все больницы за пределами столицы, а система образования по ряду показателей была фактически демонтирована).

Таблица 4

**Взаимосвязь миграционных потоков и экономических факторов
в регионе и в России***

	Миграционный прирост/убыль населения на 1000 человек (2012 г., оценка)	ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (в долл. США)	Безработица, % (оценка, официальная или неофициальная)	Численность населения ниже черты бедности, % (оценка)
Россия	0,29	17,700	6,2 (2012 г.)	13,1 (2010 г.)
Казахстан	1,23	13,900	5,3 (2012 г.)	8,2 (2009 г.)
Узбекистан	-2,65	3,500	1 (2011 г., по неофициальной оценке – более 20)	26 (2008 г.)
Киргизия	-8,1	2,400	8,6 (2011 г.)	33,7 (2011 г.)
Таджикистан	-1,21 (недостаточно учтена циклическая трудовая миграция в Россию)	2,200	2,2 (2009 г., официальная оценка; по неофициальным оценкам – до 50–60)	46,7 (2009 г.)
Туркменистан	-1,9	8,500 (2012, оценка)	60 (2004 г., неофициальная оценка)	30 (2004 г.)

* Таблица составлена по данным сайта ЦРУ США.

Указанные выше тенденции обладают высокой инерционностью и поэтому сохранятся еще в течение 10–20 лет, а возможно, и до 2050 г. В ближайшие десятилетия основным направлением трудовой миграции из Центральной Азии (кроме Казахстана, расположенного в том же регионе), видимо, будет оставаться Россия. Однако постепенно намечаются и другие векторы, например в нефтедобывающие арабские страны, Турцию, Восточную Азию.

В целом можно прогнозировать рост миграционной угрозы безопасности для России. Это потребует усилий всего государственного аппарата, включая его военную организацию, по борьбе с нелегальной и неконтролируемой иммиграцией из Центральной Азии.

Другая угроза, требующая консолидации государственных усилий, – наркотрафик. Уже в настоящее время Россия является самым крупным потребителем афганского героина, а ежегодные людские потери от этого, по оценке руководителя ФСКН РФ В. Иванова, превышают потери в период присутствия советских войск в Афганистане. Рост нестабильности в Афганистане и постсоветской Центральной Азии может только усилить эту угрозу. Дальнейшее открытие границ в процессе евразийской интеграцией может усилить значимость как миграционных, так и наркотических проблем.

Сокращение доли русскоязычного населения и русской культуры в Центральной Азии. Описанные тенденции уже привели к тому, что значительное количество русских, русскоязычных и православных осталось только в двух государствах «евразийского» номадического пояса Центральной Азии – Казахстане (особенно в его северной части) и Киргизии (также преимущественно на севере). Это несколько уменьшает вовлеченность России в центральноазиатские проблемы безопасности, так как стимул защиты соотечественников локализован. Однако интенсивность миграционных потоков и неопределенность ситуации в Афганистане мотивируют Россию принимать активное участие в обеспечении безопасности даже тех государств региона, которые не входят в ОДКБ.

В *Таблице 5* приведены данные по числу русских, русскоязычных и православных в пяти государствах Центральной Азии. (Следует учитывать относительность и условность приведенных в *Таблице 5* данных, поскольку они базируются на экспертных оценках, экстраполяции данных старых переписей или собственной оценке автора.)

Таблица 5

**Численность русских, русскоязычных и православных
в государствах Центральной Азии***

	Число русских (без учета представителей других славянских народов), %	Число русскоязычных или двуязычных, % (оценка автора или других экспертов)	Число православных (РПЦ), %
Казахстан	23,7 (1999, перепись)	95 (2001 г., экспертная оценка)	44 (оценка де-факто включает почти всех, идентифицирующих себя как немусульман)
Узбекистан	55 (1996 г., перепись)	14,2	9
Киргизия	12,5 (1999 г., перепись)	более 40–50 (собственная оценка)	20
Таджикистан	1,1 (2000 г., перепись)	2–10 (собственная оценка)	не более 1
Туркменистан	4 (2003)	12	9

* Таблица составлена по данным сайта ЦРУ США и собственным оценкам автора.

Нет никаких оснований предполагать, что обозначенные тенденции по тем же миграционно-демографическим причинам не продолжатся в будущем. Причем по мере ухода от власти поколений элиты, воспитанных в СССР, они примут еще большие масштабы. По-видимому, уже через 20 лет мы не сможем общаться с представителями центральноазиатских элит на русском языке. Эта тенденция должна учитываться Москвой. Она ослабляет возможности российского руководства позитивно влиять на ситуацию в регионе. Эрозия «русского мира» будет заметна не только в бывших советской Средней Азии и Казахстане, но и в самой России – вплоть до образования больших анклавов, заселенных выходцами из Центральной Азии.

У России есть серьезный потенциал для снижения остроты демографических проблем, причем отнюдь не за счет увеличения рождаемости, как это принято считать. Ведь меры типа «материнского капитала» поощряют рождаемость среди получивших гражданство иммигрантов и представителей ряда национальных меньшинств, возможно, даже в большей степени, чем среди русских и русскоязычных граждан. Еще более существенно то, что они поощряют рождаемость преимущественно среди маргинальных слоев коренного населения Центральной России, что чревато не меньшими социальными проблемами, чем неконтролируемая миграция. Очень важный ресурс демографической стабилизации – снижение все еще высокой смертности, особенно мужской. (Заметим, что Россия имеет беспрецедентный в мире разрыв между продолжительностью жизни мужчин и женщин.) В целом демографическая стабилизация и эффективная интеграция иммигрантов и представителей национальных меньшинств, особенно мусульманских, в принимающие сообщества являются частью проблемы выработки продуктивной модели социально-экономического развития России.

Сырьевой характер экономик стран региона, тенденция к «демодернизации», водные и межнациональные конфликты. Для центральноазиатских экономик – в гораздо большей степени, чем для российской – характерна «сырьевая зависимость». Это газ – в случае Туркменистана, нефть и цветные металлы – в случае Казахстана, газ и хлопок – в случае Узбекистана. В наиболее сложном положении находятся Таджикистан и Киргизия, которые не могут в полной мере использовать имеющиеся у них богатые водно-энергетические ресурсы. Нет оснований предполагать, что в ближайшие десятилетия ситуация изменится. Более того, наблюдается тенденция к «демодернизации». Например, в Таджикистане к 2010 г. из-за гражданской войны и экономических трудностей доля городских жителей сократилась до 26 % от общей численности населения, что сопоставимо с самыми отсталыми странами мира. Проявлениями «демодернизации» можно также считать отъезд высококвалифицированных

специалистов и интеллигенции (как русскоязычной, так и национальной), распад созданной в советское время технической и социальной инфраструктуры даже в таких относительно богатых природными ресурсами странах, как Туркменистан. В будущем все это приведет к тому, что низкий уровень жизни в регионе сохранится.

Определенные перспективы в плане обеспечения более высокого по региональным меркам уровня жизни есть у Казахстана. Эта республика имеет богатые природные ресурсы и относительно (в масштабах постсоветского пространства) либеральную и эффективную экономическую модель.

Намного меньше шансов на повышение уровня жизни у Туркменистана, обладающего богатыми природными ресурсами при недостаточно эффективной системе управления.

Зависимость государств региона от природных ресурсов и аграрный характер экономики большинства из них (кроме богатых углеводородами Казахстана и Туркменистана) неизбежно приводят к активизации водных конфликтов. В регионе сложилась тяжелая ситуация, связанная с противостоянием ниже- и вышележащих по течению рек Сырдарья и Амударья государств. Первые заинтересованы в использовании воды с целью полива, вторые – с целью выработки гидроэнергии. Поэтому первые требуют сброса воды в водохранилищах в весенне-летний период (когда она нужна для полива), а вторым необходимо сбрасывать воду в осенне-зимний период (когда нужна гидроэнергия). Таким образом, интересы первой группы государств в области обеспечения продовольственной безопасности объективно противоречат интересам второй группы государств в сфере обеспечения энергетической безопасности. В условиях бедности и аграрного перенаселения это провоцирует межэтнические и межгосударственные конфликты. К первой группе можно отнести Узбекистан, где данная проблема особенно остра, а также – Южный Казахстан и Туркменистан, ко второй – Таджикистан и, в несколько меньшей степени, Киргизию.

В советский период проблема решалась за счет централизованного управления водными ресурсами региона (из Москвы, в рамках работы общесоюзных структур, и Ташкента, где располагались региональные структуры). После распада СССР сложилась напряженная ситуация в отношениях между Киргизией и Узбекистаном (особенно острая в 1990-е гг.), а с 2000-х гг. особую остроту приобрело противостояние между Узбекистаном и Таджикистаном. Наиболее серьезным является конфликт вокруг строительства Рогунской ГЭС в Таджикистане, которая может «перехватить» большой объем стока Сырдарьи и превратиться в стратегическую «удавку» для сельского хозяйства Узбекистана (последнее будет полностью зависеть от режима сброса воды в плотине, находящейся на территории Таджикистана). Узбекистан оказывает серьезное давление (вплоть до транспортной блокады и угрозы вторжения) на соседнюю страну с целью недопущения окончания строительства плотины.

Участие узбекских подразделений в гражданской войне в Таджикистане на стороне «Народного фронта», вторжение отряда Махмуда Худойбердыева с узбекской на таджикскую территорию (в связи с внутриклановым конфликтом между «пророссийскими» «кулябцами» и «проузбекскими» «ленинабадцами» в Таджикистане) и военная оккупация расположенного на территории Туркмении Каршинского канала (в период туркменско-узбекского конфликта после покушения на президента Туркменистана С. Туркменбаши и обыска в узбекском посольстве) показывают, что Ташкент «не стесняется» в применении военных средств против соседей. Аналитики и представители политических кругов (даже президент Узбекистана И. Каримов) периодически говорят о возможности «водных войн» в регионе.

Султанистские и неопатримониальные режимы. Клановый характер обществ. Проблема нестабильности режимов. Для всех государств региона (исключением, отчасти, можно считать политически нестабильную Киргизию, где вообще не сложилось устойчивой центральной власти) характерны режимы персонализированной авторитарной власти, которые в литературе часто именуют «султанистскими» (термин Х. Линца [8]), а их социально-политические системы – «неопатримониальными» [9]. Последние характеризуются нераздельностью власти и собственности, а также архаизацией, в частности, за счет инкорпорации кланово-племенных структур.

Кланово-племенные структуры показали свою жизнеспособность за 70 лет советской власти, даже в периоды активного подавления (можно вспомнить, например, андроповско-горбачевскую «хлопковую кампанию» в Узбекистане) и переживают ренессанс в последние

20 лет [15]. Учитывая это, можно прогнозировать их сохранение в том или ином виде на обозримую перспективу.

Проблема клановых режимов заключается в постоянной возможности межкланового конфликта, провоцирующего гражданскую войну и политическую нестабильность. Примеры такого конфликта показали Таджикистан в 1990-е гг., Киргизия – с ее двумя революциями, спровоцированными конфликтом северных и южных кланов, а также в последние годы – ряд арабских государств. В период до 2050 г. в регионе возможно возникновение нескольких внутригосударственных конфликтов.

«Хрупкость» государств, нестабильность, высокие риски безопасности. Все государства региона характеризуются достаточно высокими рисками, прежде всего, с точки зрения новых угроз безопасности, особенно терроризма и исламского экстремизма. Усиление этих угроз связано с расположенным по соседству Афганистаном. Под угрозой оказывается и государственность ряда центральноазиатских стран. Согласно индексу несостоявшихся государств Фонда мира за 2011 г. [11], Киргизия (91,8 баллов) является наиболее «хрупким» из всех постсоветских государств. В дальнейшем был также повышен и показатель «хрупкости» государственности Узбекистана. Можно прогнозировать сохранение высокой степени угроз такого рода в ближайшие 30 лет.

В целом можно сделать предположение, что к 2050 г. в регионе будут иметь место до 2-3 случаев ситуаций, когда великим державам, включая Россию, придется предпринимать серьезные усилия (включая военные) для недопущения распада государственности стран Центральной Азии. Образцом таких усилий могут служить планы России и ОДКБ по предотвращению «расползания нестабильности» из Афганистана в Центральную Азию после вывода войск Международных сил содействия безопасности. Если соответствующие усилия не будут предприняты, то последствия могут оказаться катастрофическими.

Внешнее вмешательство и преобладание центробежных тенденций. Слабость центральноазиатских государств и важная геополитическая роль региона обуславливают высокую степень вовлеченности в региональные дела великих держав, что и составляет суть «новой Большой игры» [3]. В то же время сами государства Центральной Азии не проявляют особого стремления к консолидации, о чем свидетельствует, в частности, провал проектов региональной интеграции. Ни Казахстан (самая большая по территории и по размерам экономики страна региона), ни Узбекистан (самая большая по населению и по военной силе страна) пока не смогли сыграть роль эффективных интеграционных центров и успешно противостоять центробежным тенденциям, которые являются довольно устойчивыми.

В рамках данного геополитического соперничества России будет необходимо поддерживать свои военные базы и объекты (в частности, в Казахстане, Киргизии и Таджикистане) и оказывать серьезную военную помощь соответствующим государствам, в частности, в рамках ОДКБ.

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНЕРЦИОННОГО СЦЕНАРИЯ РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ ДО 2030 Г.

Описанные тенденции позволяют с достаточно высокой степенью достоверности представить ситуацию в регионе в ближайшие 30 лет. Такая проекция существующих тенденций обычно называется «инерционным сценарием». При этом мы на первом этапе сконцентрируемся на «общем фоне», на котором будут развиваться события, а затем перейдем к анализу геополитических аспектов.

Согласно инерционному сценарию развития, в Центральной Азии демографический рост продолжится, хотя и будет постепенно замедляться. Из-за перенаселенности плодородных частей региона и дефицита ресурсов сохранится достаточно низкий (по мировым стандартам) уровень жизни. Будет продолжаться миграция, прежде всего, в Россию. Произойдет сокращение численности русскоязычной диаспоры и снижение роли русского языка в самой Центральной Азии и в некоторых прилегающих областях Российской Федерации в случае, если не будут реализованы системные меры по противодействию данному тренду. Экономика стран региона будут по-прежнему носить сырьевой характер с тенденцией к «демодернизации», обусловленной консервацией традиционных клановых структур и сохранением персоналистских неопатримониальных режимов. Все это будет способствовать

политической нестабильности и росту нетрадиционных угроз, как в самой Центральной Азии, так и в сопредельных странах (прежде всего, в России и КНР). Внерегionalные игроки будут по-прежнему вмешиваться в дела региона, а уровень взаимодействия стран Центральной Азии между собой останется низким. В целом ситуация в регионе в ближайшие 30 лет, в случае реализации «инерционного сценария», представляется не очень оптимистичной, но и не катастрофичной.

Большое количество различных факторов, описанных выше, может породить многочисленные *альтернативные варианты будущего* в случае отклонения от «инерционного сценария». *Региональная ситуация в этом плане характеризуется высокой степенью неопределенности, то есть в реальности отклонения от инерционного сценария достаточно легко могут возникнуть.* Следует отметить, что для каждой из перечисленных ниже «развилочек» вероятного будущего можно составить соответствующие сценарии (то есть в принципе возможно целое «дерево» сценариев).

Демографическая и миграционная ситуация может меняться в достаточно широком диапазоне. Возможен катастрофический сценарий продолжения безудержного демографического роста в наиболее бедных государствах региона, что чревато не только ускорением неконтролируемой миграции, но и социальным взрывом, например, в Таджикистане. В то же время нельзя исключать и возможности относительной стабилизации демографической ситуации с более быстрым снижением темпов прироста населения, особенно в случае проведения странами региона, в том числе при внешней финансовой поддержке, активной демографической политики.

Судьба «русского мира» в значительной мере будет зависеть от усилий Москвы по развитию русского языка и культуры за рубежом (здесь есть определенные положительные тенденции, связанные, прежде всего, с деятельностью Россотрудничества и структур типа «Русский мир», по мере возможности способствующих продвижению «мягкой силы» России), а также от политики правительства России в сфере интеграции мигрантов.

Социально-экономическое развитие региона во многом будет определяться динамикой цен на сырье на внешних рынках. Нельзя сбрасывать со счетов и наличие у правительств центральноазиатских государств определенной степени свободы в деле формирования «правил игры», которой они могут воспользоваться в своих интересах. Сравнение двух стран региона, богатых высоколиквидными на мировых рынках углеводородными ресурсами, – Казахстана и Туркменистана – показывает, что распорядиться этими ресурсами можно по-разному.

Социально-политические системы государств региона, с учетом их укорененности в клановых социальных структурах, скорее всего, сохранят свой нынешний характер. Однако и здесь возможна определенная вариативность. Так, политические системы Казахстана и Киргизии могут стать чуть более авторитарными, а узбекская и туркменская – чуть более либеральными.

Стабильность государств и риски безопасности – один из наиболее проблемных вариативных моментов. Превращение одного-двух «хрупких» государств в «несостоявшиеся» (очевидные кандидаты – Киргизия и Таджикистан) приведет к резкому осложнению ситуации в регионе. Развитие событий в Афганистане после вывода войск коалиции может пойти по непредсказуемому сценарию, что скажется и на его соседях.

Внешнее вмешательство создает наиболее сложные и разветвленные вариации возможного развития ситуации в регионе в перспективе до 2030 г. Отметим наиболее важные из них с точки зрения потенциального геополитического влияния. Существует вероятность усиления как сотрудничества великих держав, вовлеченных в дела региона, по вопросам сохранения региональной стабильности, так и соперничества, в том числе идеологического (особенно между Западом, с одной стороны, и Россией и Китаем – с другой). Весьма вероятно дальнейшее усиление влияния КНР, возможно, даже с выходом на качественно новые политические уровни (пока оно идет преимущественно по линии экономической и «мягкой» силы). Весомый вклад в изменение региональной ситуации может внести и евразийская интеграция, усиливающая позиции Москвы и дающая возможность использовать не только военные, но и иные инструменты влияния.

Проведенный анализ альтернативных вариантов будущего показывает чрезвычайно высокую уязвимость центральноазиатского региона и высокую степень ответственности политиков, в том числе в России, за дальнейшее развитие событий. Положение в Центральной

Азии сложное, но не безнадежное. Сама ситуация высокой неопределенности говорит о том, что целенаправленные действия могут сделать будущее у южных границ России либо катастрофическим, либо почти приемлемым.

ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ НА СРЕДНЕСРОЧНУЮ И ДОЛГОСРОЧНУЮ ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящее время Центральная Азия является одним из важных объектов мировой политики. Террористические акты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне показали, что распад государств этого региона, переставших контролировать свои границы, может отозваться серьезными последствиями в других концах мира. Это усиливает вовлеченность в дела региона великих держав (Китая, России, США, стран ЕС, Индии, Пакистана) в рамках «новой Большой игры», то есть борьбы за геополитический контроль над регионом. Кто же будет контролировать регион геополитически в перспективе до 2050 г.?

Рассуждать о таком контроле не просто, хотя бы потому, что границы самого международного региона «вовне», по отношению к другим регионам мира, четко не определены. С точки зрения классической географии XIX в. Центральной Азией называется район внутреннего (неокеанического) стока рек, простирающийся от Китая и Индии до Ближнего Востока. В советское время понятие «Центральная Азия» относилось к району вокруг Монголии, и от него отделялось понятие «советская Средняя Азия» (последняя не включала Казахстан). С точки зрения терминологии современных международных отношений «Центральная Азия» — это самоназвание, возникшее после распада СССР, которое объединяет пять постсоветских республик (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). Однако есть и альтернативные определения, например, американское — «Большая Центральная Азия», которое может включать в себя Афганистан и даже часть Пакистана. Существует много других культурно-исторически, геоэкономически и геополитически обусловленных названий региона. Их конкуренция представляет собой символично-идеологическое измерение «новой Большой игры», участники которой — великие державы — борются за региональное влияние [3]. В зависимости от того, как определяются границы региона, те или иные великие державы получают определенные преимущества. Так, российское понимание евразийской интеграции постсоветского пространства дает преимущества Москве, американское понимание «Большой Центральной Азии» дает преимущества Вашингтону, китайское понимание «региона Шелкового пути» предоставляет преимущества Пекину, европейское понимание «пространства соседства» или «Евросферы» дает преимущества Брюсселю.

Определяющее значение геополитического контроля над государствами региона на перспективу до 2050 г. будут иметь два фактора: внешний (роль мировой политики, особенно политики великих держав) и внутренний (структурные изменения в самих странах Центральной Азии). Важный вклад в процесс развития геополитической ситуации может сделать сложная «многовекторная» внешняя политика центральноазиатских государств. Можно представить несколько сценариев развития геополитической ситуации.

Начнем с *внешнего фактора*. Геополитическая «центральность» Центральной Азии [12] и потребность государств региона во внешней помощи вызывают активное вмешательство в его дела великих держав (КНР, Россия, США, государства ЕС, Индия и др.). Эта тенденция продолжится и в будущем, хотя она необязательно должна принимать формы исключительно соперничества великих держав. Речь может идти и о периодическом их сотрудничестве в решении важных региональных проблем (например, терроризма, «несостоявшихся государств» или наркоторговли). Будет также сохраняться интерес к региону как к источнику энергоносителей и потенциальному маршруту новых торговых путей по осям Восток — Запад и Север — Юг Евразии.

Можно предположить несколько возможных вариантов исхода вмешательства в дела Центральной Азии внерегиональных сил. В случае сотрудничества, направленного на развитие региона, нынешние границы государств сохранятся. Усиление соперничества великих держав, которое будет сопровождаться равновесием сил, например, между Китаем (или «блоком» КНР и России) и Западом, тоже не приведет к изменению границ, поскольку руководство этих государств в рамках ставшей традиционной «многовекторной политики» будет балансировать между полюсами силы.

Однако в случае совпадения ряда факторов контроль над Центральной Азией может полностью перейти в руки Китая (долгосрочный *Сценарий 1 – «Синоцентричный мир»*). В числе этих факторов – полный уход американцев из Афганистана и Центральной Азии до 2020 г., длительный экономический кризис в Европе и экономико-демографически обусловленный «застой» в России, который может обречь на неудачу процессы евразийской интеграции. Переход контроля к Китаю будет происходить постепенно: сначала с помощью экономических инструментов и ненавязчивого политического влияния, затем к ним прибавится «мягкая сила» в виде распространения языка и культуры среди элитных слоев общества. Китай найдет общий язык как с секулярными элитами региона, так и (с помощью своего союзника Пакистана) с исламскими экстремистами, направляя их энергию против западного, а возможно, и российского влияния. Уже с 2015 г. на базе созданного, несмотря на скрытое сопротивление России, «общего рынка» ШОС и нового проекта «Экономического пояса Шелкового пути» начнется процесс углубленной экономической и политической интеграции. В итоге уже к 2050 г. образуется «расширенный Китай». В связи с этим стоит напомнить, что границы Танской империи Китая проходили значительно западнее современных, а знаменитый китайский поэт Ли Бо родился на территории нынешней Киргизии, бывшей тогда китайской провинцией. Кроме того, существующие сейчас границы государств Центральной Азии с КНР уже отличаются от советских, так как их делимитация в рамках «Шанхайского процесса» сопровождалась сдвигом в пользу Китая.

Еще десять-пятнадцать лет назад такой исход «новой Большой игры» казался маловероятным. Куда более вероятным представлялось воссоздание некоего подобия Советского Союза или Российской империи. Эта вероятность не является нулевой и сейчас, хотя она уменьшается с каждым годом. Если России удастся быстро сформировать эффективную и притягательную для соседей модель социально-экономического развития, то возможным становится *Сценарий 2 – «Реинтеграция постсоветского пространства»* (прежде всего, на основе евразийской экономической интеграции). Тогда в будущем можно предположить возврат к геополитической ситуации конца XIX – начала XX вв.

Еще один вариант изменения геополитической ситуации обсуждался в 1990-е гг. Он основывался на идее центральноазиатской интеграции по образцу европейской. К настоящему времени все попытки государств Центральной Азии наладить эффективное внутрирегиональное сотрудничество (например, через такие региональные структуры, как Центральноазиатское экономическое сообщество и Организацию Центральноазиатского сотрудничества) не привели к положительным результатам. Некоторые из проблем в отношениях между этими государствами (прежде всего, водно-энергетико-экологические) представляются трудноразрешимыми в перспективе ближайших десятилетий.

Вместе с тем в качестве чисто интеллектуального упражнения можно себе представить, что лет через тридцать на основе эффективной модели управления водами трансграничных рек стартует успешная центральноазиатская интеграция, в результате которой когда-нибудь лет через сто возникнет «Центральноазиатский союз» со структурой наподобие ЕС. Можно также себе представить его расширение по лоббируемой США модели «Большой Центральной Азии» с включением Афганистана или даже Пакистана и проведенных либеральных реформы Ирана (*Сценарий 3 – «Центральноазиатская интеграция»*). Можно представить и реализацию интеграционного сценария в меньших масштабах, например, путем образования экономического союза Казахстана и Киргизии или путем создания военно-политического блока вокруг усилившегося Узбекистана. В этом случае влияние великих внерегиональных держав, в том числе России, уменьшится.

Возможен и еще один исход «новой Большой игры». Влияние ситуации в Афганистане, рост исламского экстремизма при огромных социально-экономических, демографических проблемах в сочетании с межклановыми конфликтами в политике могут привести к реализации *Сценария 4 – «Халифат»* (вероятнее всего не во всей Центральной Азии, а в некоторых ее частях, особенно в Ферганской долине).

Кроме проанализированных выше внешних факторов эволюция геополитической ситуации в Центральной Азии на сто лет вперед будет характеризоваться взаимодействием двух динамических внутренних факторов – состоявшихся национальных идентичностей, с одной стороны, и их внутренней противоречивости за счет субэтнических и субрегиональных структур – с другой.

Наконец, рассмотрим внутренние факторы формирования долгосрочных геополитических сценариев. Государства региона, возникшие в 1991 г. на основе бывших советских республик, характеризуются высокими нетрадиционными вызовами безопасности (терроризм, религиозный экстремизм, наркотрафик). Некоторые из них (особенно Киргизия и Таджикистан) отличаются «хрупкостью», то есть балансируют на грани «несостоявшегося государства». Огромную роль в усилении новых угроз играет соседство Афганистана – классического «несостоявшегося государства» конца XX – начала XXI вв. Все эти тенденции говорят о том, что в определенной временной перспективе возможно изменение системы границ государств региона, что окажет серьезное влияние на геополитическую ситуацию.

Внутри Центральной Азии современные границы определены в результате становления новых независимых государств при сохранении сложной и противоречивой этнической и субэтнической структуры. Как известно, нынешние границы государств и их состав были во многом искусственно сформированы большевиками в ходе т.н. национально-территориального размежевания 1920–1930-х гг. При этом игнорировались жузово-племенные (у казахов, туркмен), региональные (у киргизов, узбеков, таджиков) и надплеменные («сарты», «тюрки», «мусульмане») определения, старые политико-административные (Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства) и лингвистические (таджикоязычные узбеки Самарканда и узбекоязычные жители Таджикистана) границы, а также естественные границы оазисов (Ферганская долина, бывшая частью Кокандского ханства; долина нижней Амударьи, входившая в Хивинское ханство). Все это вызвало к жизни кланово-племенные и кланово-региональные разногласия в новых независимых государствах. Нет никаких оснований считать, что их удастся преодолеть даже в течение десятилетий. Можно сослаться на сопоставимый опыт Африки, где схожие проблемы искусственно проведенных границ и связанного с этим напряжения внутри государств зачастую имеют тенденцию к обострению, а не к разрешению. Так, на основе старых племенных делений образовалось новое государство Южный Судан.

Тем не менее успешное становление новых национальных идентичностей пока тоже является фактом. Во всех республиках бывшей советской Средней Азии возникли этнонациональные идентичности, а в Казахстане – даже гражданская (казахстанская) идентичность. Казахи (или казахстанцы), киргизы, узбеки, туркмены и таджики с их идентичностью, независимостью, государственностью и соответствующей территорией – это уже состоявшиеся факты, гарантированные не только постсоветской, но и советской и досоветской историей. Маловероятно, что в обозримом будущем кто-то сможет полностью «взять назад» эти факты жизни созданием халифата или какой-то иной наднациональной структуры. Эти попытки встретят единодушное неприятие подавляющего большинства населения.

Таким образом, развитие событий в Центральной Азии на сто лет вперед будет характеризоваться взаимодействием двух динамических внутренних факторов – состоявшихся национальных идентичностей, с одной стороны, и их внутренней противоречивости за счет субэтнических и субрегиональных структур – с другой.

В целом всё вышесказанное говорит о возможности реализации долгосрочного **Сценария 5 – «Полный распад»**. В наиболее экстремальном случае этот регион, особенно южная его часть, может даже начать развиваться по долгосрочному сценарию, по которому уже прошел Афганистан.

Оценим вероятность описанных выше пяти сценариев. Сценарий «Синоцентричный мир» можно считать достаточно вероятным, поскольку в настоящее время именно позиции Китая выглядят наиболее сильными по сравнению с другими великими державами, имеющими интересы в Центральной Азии. Не исключен и «частичный» распад государств, особенно «хрупких». Это наиболее вероятная модификация **Сценария 5**. В 1990-х гг. велось много разговоров о распаде государственности в Центральной Азии. Гражданская война в Таджикистане провоцировала спекуляции на тему полного распада этого государства. Столкновения в Горном Бадахшане летом 2012 г. лишь «подлили масло» в подобные дискуссии. Глубочайший геополитический раскол между севером и югом все еще делает актуальным обсуждение вопроса о расколе Киргизии (контроль правительства в Бишкеке над югом страны и, прежде всего, над городом Ош носит почти символический характер).

Узбекистан, Туркменистан и Казахстан обычно считаются более внутренне стабильными государствами. Тем не менее исламский экстремизм в Ферганской долине, межклановое напряжение на всей территории страны и наличие территориальных претензий на таджикоязычный Самарканд (кстати, родину ныне правящего в Узбекистане клана во главе с президентом И. Каримовым) со стороны элит Таджикистана нередко порождали разговоры о распаде Узбекистана. Среди туркменской оппозиции также ходят слухи о возможности в будущем откола богатыми углеводородами территорий, населенных племенем йомудов, с образованием государства Йомудистан [4]. Наконец, даже Казахстан, который сейчас демонстрирует очень высокую (по региональным меркам) степень стабильности, в российском политическом дискурсе 1990-х гг. иногда рассматривался как кандидат на распад. Основанием для таких прогнозов служил тот факт, что в северной части страны доминировало русскоязычное население.

Пока все эти опасения и прогнозы, несмотря на очевидные проблемы государств региона, не оправдались.

В заключение можно отметить, что с учетом реальных сложностей анализа тенденций, простирающихся на глубину порядка века, и наблюдаемых сейчас процессов *Сценарии 1 и 5* представляются более вероятными, чем все остальные. К тому же они вполне могут реализоваться одновременно, так как не противоречат друг другу. Наоборот, тенденция к распаду некоторых государств региона может усилить интерес КНР к вмешательству в центральноазиатские дела. Сценарий «Синоцентричный мир» можно считать достаточно вероятным, поскольку в настоящее время именно позиции Китая выглядят наиболее прочными по сравнению с другими великими державами, имеющими интересы в Центральной Азии. Сценарий «Полный распад» можно рассматривать как достаточно реалистичный для некоторых наиболее нестабильных стран региона, исходя из тех социально-экономических и политических проблем, с которыми они сталкиваются.

В целом описанные выше геополитические тенденции и приведенные сценарии, учитывая важность региона Центральной Азии для России, должны восприниматься как определенный повод для беспокойства российских политических элит, в том числе в рамках военного планирования.

CENTRAL ASIA: A COMPREHENSIVE CRISIS AND SCENARIOS FOR THE FUTURE

*Andrey Kazantsev, Doctor of Sci. (Political Science), Director
Analytical Center of the Institute of International Studies, MGIMO University,
119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow. E-mail: andrka@mail.ru*

Summary

The paper suggests a systemic analysis of the perspectives of development of situation in Post-Soviet Central Asia. Interconnection between the tendencies in different spheres (political, economic, military, social and demographic) is analyzed. The author ascertain the fact of complex and multilateral crisis and also states high degree of uncertainty of further development of regional situation, which is indicated by a great variability of scenarios of further development. The analysis is fulfilled both in short- and long-term perspectives. The study is carried out in two steps: for each of temporal perspectives respective drivers that presently exist are selected. Also, potential qualitative discontinuities that can lead to principal changes of situation are defined within scenario analysis.

Key words: *Central Asia, scenario analysis, scenarios of development, drivers, “the New Great Game”, new security threats and challenges.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Боришполец К.П., Чернявский С.И.* Сценарии развития ситуации в регионе Центральной Азии // Ежегодник ИМИ. – М.: Из-во МГИМО-Университет, 2011. С. 301–309.
2. *Казанцев А.А.* «Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия. – М.: Наследие Евразии, 2008.

3. *Казанцев А.А.* Сценарный анализ развития ситуации в центральноазиатском регионе: возможные последствия для интересов России и ОДКБ // Ежегодник ИМИ. – М.: Из-во МГИМО-Университет, 2012. С. 332–350.
4. *Минченко Е., Казанцев А., Петров К.* Президентские выборы в Туркменистане: политические и экономические риски второго срока Гурбангулы Бердымухамедова. Москва: Международный институт политической экспертизы, 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.stratagema.org/exclusive/research/research_1544.html
5. *Орлов А.А.* Международный опыт в сфере противодействия идеологии терроризма и экстремизма // Безопасность образовательной среды: противодействие идеологии терроризма и экстремизма // Материалы научно-практической конференции (Москва, 8–9 сентября 2014 г.). – М.: Из-во МГИМО-Университет, 2015. – С. 7–14.
6. *Орлов А.А.* Новая парадигма международных отношений // Международная жизнь. – 2014, № 10. С. 66–73.
7. Россия–2020: Сценарии развития / Под ред. *М. Липман, Н. Петрова.* – М.: РОССПЭН, 2012.
8. *Эйзенштадт Ш.Н.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999. С. 324–359.
9. *Collins K.* Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. – N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2006.
10. European Strategy and Policy Analysis System Report “Global Trends 2030 – Citizens in an Interconnected and Polycentric World”. – Paris: Institute for Security Studies European Union, 27 April 2012.
11. Fragile States Index 2015. URL: <http://www.fundforpeace.org/global/?q=fsi-grid2011>
12. *Frank A.G.* The Centrality of Central Asia. – Amsterdam: VU University Press, 1992.
13. Institute of World Economy and International Relations (IMEMO). Strategic Global Outlook: 2030. Short Version (in English) / Ed. by A.A. Dynkin. – М.: IMEMO RAN, 2011.
14. National Intelligence Council of USA, Global Trends 2030: Alternative Worlds. December 2012. URL: <http://www.dni.gov/ncic/globaltrends>
15. *Sultanistic Regimes* / Ed. by H.E. Chehabi, J.J. Linz. – Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1998.
16. World Economic Forum. Risk Report 2011. URL: <http://riskreport.weforum.org/>